

Михаил ГАУЗНЕР

Война и мужчины моей семьи

Семьдесят пять лет назад началась Отечественная война, унесшая десятки миллионов жизней. Её участников почти не осталось, появились три новых поколения, но до сих пор иногда приходится слышать и читать, что евреи воевали только "на ташкентском фронте". Не буду вступать в бессмысленную полемику и пытаться убедить антисемитов — они этого недостойны; просто расскажу об участии в войне мужчин моей семьи.

Отец моей жены Ефим Кельштейн имел "бронь" не только из-за болезни сердца, но и как руководитель здравоохранения бассейна реки Днестр. В первые дни войны он заявил, что хирург в эти дни должен быть на фронте, и ушёл в армию. Во время проводимой им в полевом госпитале операции начался налёт немецкой авиации. Он приказал ассистировавшим ему медработникам немедленно идти в укрытие, а сам продолжил операцию, так как у раненого были тяжёлые повреждения и он мог умереть от потери крови и шока. После окончания бомбёжки коллеги обнаружили хирурга мёртвым около стола, на котором под наркотом лежал живой прооперированный боец. У врача не было никаких ранений — просто отказало сердце...

Старший брат отца Езекииль Гаузнер ушёл из Одессы на фронт в июле 1941 г. и вскоре погиб.

Хорошо помню моего дядю Семёна (Соломона) Шевелёва, богатыря из семьи одесских биндюжников с Молдаванки. Как большинство крупных мужчин, был добродушным, весёлым, жизнерадостным, любил шутить, знал множество анекдотов, одесских оборотов речи и артистически их применял. В молодости он в составе бригады грузчиков работал на кондитерской фабрике и легко справлялся с четырёх-пятитупудовыми мешками. На обед они шли на расположенную недалеко от фабрики Чумку. Там выпивали по поллитра водки, закусывали пожаренной на костре яичницей из нескольких десятков яиц на всех и по большой хале (плетёный хлеб с маком) "на брата", на десерт добавляли полведра свежей халвы; все продукты им давали на фабрике, это входило в условия оплаты. Потом продолжали работать до конца рабочего дня, который порой затягивался до вечера.

Когда дядя Сеня решил поступить в политехнический институт, друзья с Молдаванки его отговаривали: "Тебе надо этот гембель? Кидай мешочки, грузи спину, но имей свободную голову и вольную жизнь!" Но он стал инженером и, видимо, неплохим. В 1942 г. ушёл на фронт, воевал на Волховском фронте, был тяжело ранен в ногу, после нескольких месяцев в госпитале демобилизовался инвалидом I группы. Сначала практически не ходил, терпя постоянно сильную боль, потом с трудом передвигался на костылях, а негибавшая нога была в жёстком и тяжёлом биндаже из толстой кожи и стали — туторе. Без костылей, с палкой, начал ходить только несколько лет спустя и при этом умудрялся работать по десять и более часов в день, со временем стал хорошим и уважаемым руководителем.

В последние годы жизни он мужественно перенёс несколько тяжёлых операций. Когда за день до смерти в больнице к нему в очередной раз подошла молодая медсестричка Мэри, он пропел ей, как обычно, отрывок песенки Л. Орловой из фильма "Цирк" "Мэри, Мэри, чудеса...". Потом попросил дать "мой

подъёмный кран" — так он называл привязанный к спинке кровати жгут, с помощью которого, не желая утруждать других, сам садился. Превозмогая боль, шутил до самого конца, поддерживая своих родных. Такие силу воли и мужество он проявлял постоянно в годы, отведенные ему судьбой после войны, которая была причиной всех его бед.

Другой мой дядя Михаил Бердичевский стал на войне сапёром. Был контужен, долго лежал в госпиталях, на несколько месяцев полностью потерял память, даже имени и фамилии не помнил. Последствия сказывались всю жизнь.

Младший брат моей матери Борис Вайнштейн был призван в первые дни войны, тоже был контужен и стал инвалидом. Я помню его молодым краснотелом (в 1941 г. ему было 23 года), когда он провожал нас на пароход перед эвакуацией из Одессы.

Таможенная площадь перед входом в порт была уже заполнена народом. Стояли или сидели на земле женщины, старики, к ним жалась непривычно тихие дети, лежали груды чемоданов и узлов. К воротам порта стояла огромная очередь. В небе ни одного облачка, жара, хотелось пить.

Борис получил увольнительную с батареи береговой артиллерии под Одессой, где он тогда служил. Когда мы уже приблизились к заветным воротам, в небе появились немецкие самолёты. Завыли сирены, застучали зенитные пулемёты. Началась паника, крики, толпа хлынула с площади, люди толкали друг друга, сбивали с ног. Борис схватил меня на руки и забегал в подъезд какого-то дома на Польском спуске.

Самолёты улетели, мы в неразберихе с трудом нашли родных. А пароход "Ленин" ушёл без нас в свой, как потом стало известно, смертельный рейс. Через несколько дней он подорвался на mine недалеко от мыса Сарыч, затонул и унёс с собой жизни около трёх тысяч одесситов, раненых бойцов и призванников.

За один или два дня до оккупации Одессы самоходных плавсредств для ухода из осаждённого города уже не было. Моряки батареи вышли в море на шлюпках. Вероятность спасения была ничтожной, но другого выхода у них не было. Немецкие самолёты охотились в основном за перегруженными кораблями, которые могли стать для них лёгкой добычей, поэтому морякам на нескольких шлюпках чудом удалось из последних сил преодолеть почти двести миль и прийти в Севастополь.

Потом я увидел Бориса только после войны — повзрослевшего, сдержанного, с чуть перекошенным после контузии ртом, совсем не похожего на того молодого беззаботного довоенного паренька.

Главным мужчиной в моей жизни, авторитетом и примером был для меня мой отец Яков Давидович. Ему не пришлось воевать на фронте, но его вклад в достижение победы был достаточно велик, и это заслуживает подробного рассказа.

Отец окончил Одесский индустриальный институт, работал на заводах Одессы. В 1938 г. был назначен начальником механического цеха завода "Кинап".

Когда началась война, отец большую часть времени стал проводить на заводе, приходя домой только поздним вечером либо работая сутками.

О неудачной (а в действительности — счастливой) попытке эвакуации я уже написал выше, рассказывая о Борисе. Через несколько дней мы погрузились на пароход "Каме-нец-Подольский", благополучно прибыли в Мариуполь, откуда в переполненном товарном вагоне приехали в город Йошкар-Ола.

Отец был назначен начальником механического цеха оборонного завода № 297, изготовлявшего прицелы и дальномёры. Цех размещался в недостроенном корпусе какого-то предприятия, в котором были только стены. Станки устанавливали прямо на землю, как-то закрепляли и запускали. Одновременно делали крышу и поочерёдно сооружали фундаменты станков. Отец работал сутками, спал урывками, домой приходил раз в несколько дней.

Для увеличения объёма выпуска деталей отец предложил смелое техническое решение, которое сначала было принято в штыки. Отца предупредили, что в случае неудачи он ответит по всей строгости военного времени, но он рискнул, и проблема была успешно решена.

Потом "узким местом" завода стал оптический цех, который изготовлял линзы. Работали там в основном шлифовщики и полировщики, которые всех, не принадлежавших к их узкому кругу элитных специалистов-оптиков, считали невеждами. Отцу снова пришлось действовать решительно и бескомпромиссно. Он перестроил работу всего цеха, зная, что в военное время это могло в случае неудачи очень плохо для него закончиться: методы работы "органов" были жёсткими, отец рисковал своей свободой и относительным благополучием семьи.

После того как был достигнут резкий рост объёма выпуска линз, отец вернулся к своим основным обязанностям. За успешное выполнение заданий Государственного комитета обороны по увеличению объёма выпуска артиллерийских, танковых и авиационных оптических приборов для фронта ряд работников завода получили правительственные награды. Отец был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Вскоре отец был назначен главным инженером одного из самых крупных оптико-механических предприятий Наркомата вооружения — завода № 356 в г. Свердловск. На заводе задерживалось освоение аэрофотоаппаратов новой конструкции, которые должны были поставить на штурмовики и бомбардировщики взамен устаревших цейссовских. Ознакомившись с заводом, отец с присущей ему энергией взялся за дело.

Видимо, его руководство было эффективным, т. к. в требуемые сроки аппараты в составе были освоены и на испытаниях в боевых условиях показали прекрасные результаты, позволявшие резко улучшить результаты бомбометания. По представлению маршала авиации Новикова отец получил орден Отечественной войны I степени, которым по его статусу награждались только участники боевых действий — за особые, конкретно перечисленные боевые заслуги.

После войны, преодолев сопротивление Устинова, отцу удалось по согласованию с ЦК оформить перевод в Одессу главным инженером завода "Кинап". В начале кампании "борьбы с безродными космополитами", которая потом увенчалась "делом вра-

чей-убийц", отца по надуманному поводу уволили. Только через несколько лет, после смерти Сталина, его назначили главным технологом одного из одесских машиностроительных заводов

Отец был прекрасным организатором и руководителем, умел сосредоточиться на главном, не размениваясь на мелочи. Конечно, в этом очень помогал ему опыт технического руководства крупным оборонным заводом в военные и послевоенные годы. Сотрудники отца рассказывали мне, что его очень уважали и обращались не только по производственным вопросам, но и с личными проблемами, и он всегда в меру своих сил и возможностей им помогал.

Мы с отцом были по-человечески очень близки, похожи внешне, даже голоса наши часто путали. Я не помню с его стороны нравов и других "воспитательных моментов". Просто своими рассказами, а ещё больше — поступками он показывал мне, как нужно жить и работать, как относиться к людям. Его суждения о событиях были всегда доказательными, он умел слушать собеседника и убеждать его.

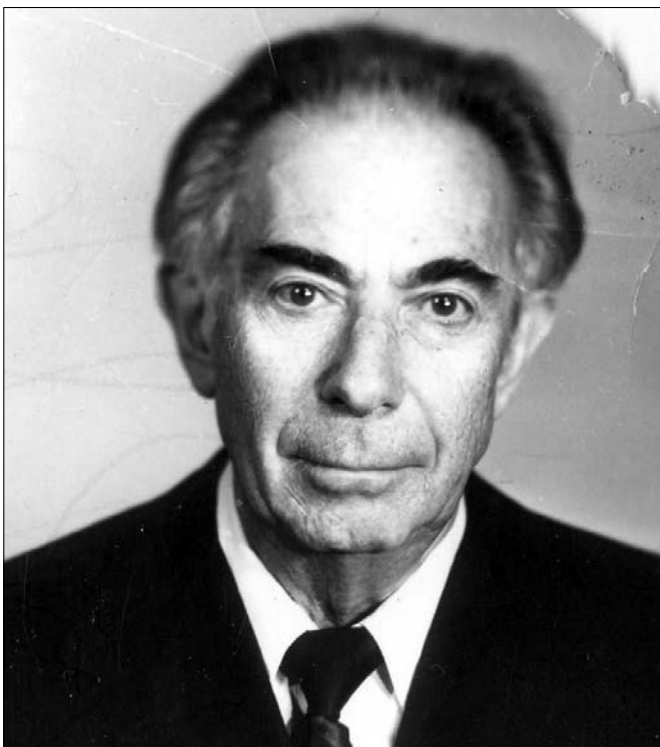
Много лет во время сменяющих одна другую тяжёлых болезней отец сохранял достоинство, был терпеливым и исполнительным, слегка иронично отзывался о своих хворях. Даже в последние дни жизни, когда силы покидали его, он не терял присутствия духа.

Вот уже тридцать лет, как его нет с нами. Я сейчас старше, чем был в конце жизни мой отец, многое переосмыслил, более глубоко понял, "примерил" на себя. Не раз, когда бывало нелегко, подводило здоровье, наваливались житейские неурядицы, передо мной как бы появлялось лицо отца, я почти наяву слышал его голос, и это помогало мне преодолевать трудности.

Я очень благодарен судьбе за то, что у меня был такой отец, с уважением и симпатией вспоминаю мужчин нашей семьи. Пусть этот очерк будет данью памяти мужественных людей, благодаря которым наш народ победил в той страшной войне.

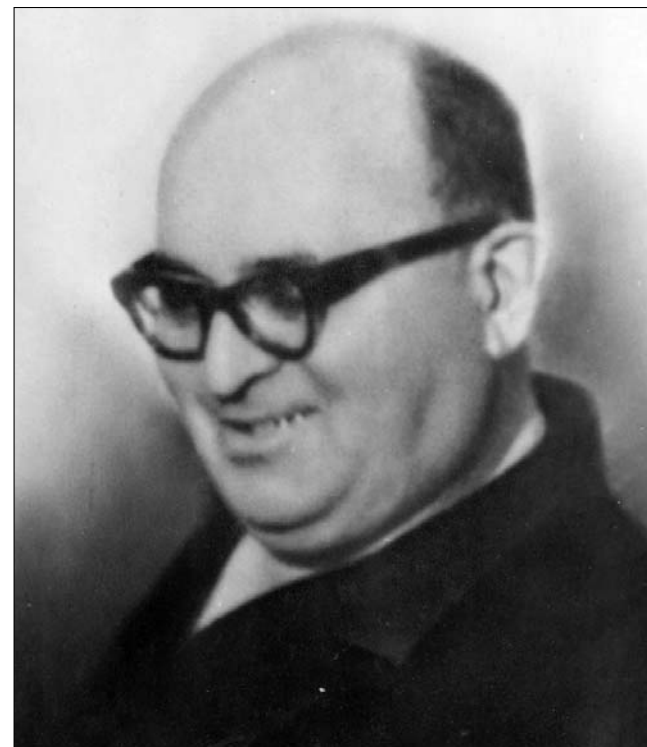
Е.С. Кельштейн.

Я.Д. Гаузнер.

Б.М. Вайнштейн.

С.М. Шевелев.